

УДК: 353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-50-67

РИТОРИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ОСОБОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

К. Ш. Юзбекова, А. В. Стародубцев

Юзбекова Карина Шамильевна, аспирант департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: kyuzbekova@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2646-0801. ResearcherID: GZG-2992-2022).

Стародубцев Андрей Владимирович, кандидат политологических наук, доцент департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: astarodubtsev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-7648-8979. ResearcherID: L-7015-2015).

Аннотация

Посвящена ответу на вопрос о том, как в условиях централизации главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации. Опираясь на идею о важности риторического представления статуса субъекта Федерации и используя количественный контент-анализ речей глав республик Российской Федерации, посвященных дням конституции и дням республики в период с 2000 по 2021 г., авторы показывают, что: 1) даже по мере роста централизации политической системы в России республиканские лидеры находят подходящие риторические приемы, позволяющие им подчеркнуть особый статус республик; 2) главы регионов используют возможности коммуникации с региональным сообществом для того, чтобы артикулировать свою позицию в отношении тем, важных для оценки статуса республик.

Ключевые слова: статус; республики Российской Федерации; федерализм; российская политика; политическая риторика.

В ходе всей истории федеративных отношений современной России республики рассматривались как особый тип субнациональных административных единиц. Хорошо известная формулировка статьи 5 российской Конституции подчеркивает государственную природу республик. На общенациональной политической арене в течение 1990-х гг. республики представлялись как лидеры движения в поддержку большей децентрализации и даже конфедерализации России. Во внутрирегиональной политике именно республикам приписывались успехи в установлении субнациональных автократий и значительные возможности по контролю над электоральными результатами (см. обзор на эту тему в: Шкель, Щербак, Ткачева, 2022).

Внимательный анализ участия республик в политическом процессе показывает, что представленная картина не является столь однозначной. Так, например, практика заключения договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельными субъектами Федерации действительно началась с возникновения подобных документов с целью регламентации отношений федерального центра с Татарстаном и Башкортостаном, но довольно скоро охватила и другие типы субнациональных единиц (Рабко, 2001). Показательным является состав организационного комитета блока «Вся Россия», в котором находились лидеры как республик, так и других типов субъектов Федерации. То же можно сказать и об успехах в монополизации политического пространства в регионах: отдельные республики, возможно, оказались первыми среди субъектов Российской Федерации, однако вместе с наделением всех регионов правом избрания губернаторов населением число авторитарных регионов, представляющих другие типы субъектов Федерации, также значительно возросло.

Все указанные тенденции во взаимоотношениях между республиками как отдельным типом субъектов Федерации и федеральным центром хорошо описаны в существующей литературе (см., например, обзорную статью Bahry, 2005). Однако в децентрализованных системах необходимо разделять общенациональный и внутрирегиональный политические процессы, взаимосвязанные, но авто-

номные по отношению друг к другу. Наблюдаемый с 2000-х гг. отказ региональных лидеров от провозглашения особых отношений с центром не означает отказа от подобной риторики и указания на особенное положение республик в России (хотя бы в связи с их отличающимся от большинства российских регионов этническим составом (Панов, 2019) во внутрирегиональной политике).

Несмотря на доминирование Владимира Путина и «Единой России» в российском политическом пространстве, региональные политические процессы характеризуются заметной диверсификацией. Это наблюдалось даже в период с 2005 по 2012 г., когда федеральный центр обладал прямым контролем над назначением глав регионов, и стало справедливым в еще большей степени, когда региональным сообществам вернулось право самостоятельно избирать глав регионов. Одной из главных задач любого регионального правительства является выстраивание собственных отношений с региональными сообществами. Учитывая тот факт, что региональные лидеры должны обеспечивать политическую лояльность региональных сообществ не только по отношению к себе, но также к инкумбентам на федеральных выборах, набор инструментов, с помощью которых можно было бы проводить мобилизацию поддержки в регионе, оказывается усеченным: так, например, появляются очевидные ограничения в выстраивании отношений «свой-чужой» при описании взаимодействия с федеральным центром. В такой ситуации региональным лидерам приходится использовать все ресурсы, которые могли бы позволить им максимизировать эффект от каждого политического действия. Для глав республик все 1990-е гг. таким ресурсом являлся конституционно закрепленный статус административной единицы, характеризующейся собственной государственностью со всеми необходимыми атрибутами: конституциями, языками, наименованием глав республик «президентами» и многими другими. Однако централизация 2000-х и 2010-х гг. выхолащивала содержание республиканского статуса: перестали действовать двусторонние соглашения, главы республик перестали именоваться президентами, федеральный закон ограничил возможности преподавания родных языков в регионах. В этой связи интересным и важным представляется вопрос о том, как в условиях централизации главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации?

Риторическое измерение статуса

Политологические исследования статуса субнациональных единиц отсылают нас прежде всего к анализу политико-правового положения административно-территориальной единицы. В рамках такого подхода статус определяется как «набор правовых норм и правил, наделяющих конкретную территориальную единицу рядом особенностей, которые отражаются в создании определенного набора формальных и неформальных институтов» (Oracheva and Osipov, 2010). Понимаемый таким образом статус включает в себя не только политическое (особые права в отношениях с общенациональным правительством в части распределения полномочий, политического представительства и т.д.), но также финансово-экономическое (особые права в области финансовых отношений между национальным и региональным правительствами) и культурное (особые права в области регулирования языковой и культурной политики) измерения. Особенностью характеризуемого подхода является его объективное отражение в документах или же в практиках политического поведения задействованных в этом процессе сторон.

Нам же кажется важным обратить внимание на другой подход к характеристике статуса, который является не противоречащим, а комплементарным по отношению к предыдущему. Пол Макдональд и Джозеф Пэрент предлагают определить статус как «совокупность коллективно воспроизводимых убеждений о принадлежности объекта к определенной группе и его положении в группе, обладающей определенными ценностными характеристиками и признаваемой как другими членами группы, так и извне» (MacDonald and Parent, 2021). Такой подход обращает внимание на важную составляющую часть статуса: речь идет не только о том, на что объект статуса имеет право, но и о том, на какие права объект *претендует*. Авторы указывают на то, что подобные претензии должны быть разделяемы как внутри группы (в нашем случае речь идет о группе республик в составе Российской Федерации), так и за ее пределами (прежде всего, со стороны федерального правительства, но также и других субъектов Федерации).

Опираясь на оба представленных определения, зафиксировать статус того или иного субъекта Федерации можно на основе трех групп источников: формальных норм, регламентирующих правовое и политическое положение как отдельных субъектов Федерации, так и их групп; конкретных действий представителей субъектов Федерации, демонстрирующих те права и обязанности, которые они считают необходимым реализовывать; риторики полноправных представителей субъектов Федерации,

отражающей их представления о правах, обязанностях республик и правилах их взаимодействия с другими регионами и федеральным центром.

В то время как первые два измерения статуса республик, как и в целом субъектов Федерации, хорошо изучены, последнее измерение остается за пределами пристального анализа со стороны исследователей. Очевидным исключением в данном случае является Республика Чечня, чей глава Рамзан Кадыров неоднократно становился героем публикаций, посвященных анализу риторики политических лидеров (Rodina, 2019; Стародубцев, 2017; Avedissian, 2016). В этом же ряду стоит статья Гульназ Шарафутдиновой с анализом риторики двух лидеров Республики Татарстан – Минтимера Шаймиева и Рафаэля Хакимова (Sharafutdinova, 2013).

Наша статья посвящена последнему из указанных измерений статуса – представлениям, выраженным в речах глав республик. Изучение риторики является признанным способом анализа политических процессов (Гаврилова, 2004), однако до сих пор требует дополнительных пояснений. Наиболее частым обоснованием необходимости таких исследований является устойчивая связь между политическим лидером и тем сообществом, которым он или она руководит. Шарафутдинова пишет, что «разделяемые (shared) идеи связывают элиту и массы, указывая на существование “коллективной готовности действовать” (collective intentionality) и наделяя властью политических акторов, которые говорят, зная, что слушающие (public) поддерживают их» (Sharafutdinova, 2013: 362).

Такой подход очевидным образом отсылает нас к демократической составляющей политического процесса, постоянному взаимодействию между политическими лидерами и политическими сообществами, что ставит вопрос о том, насколько необходимым является анализ риторики в менее конкурентной политической среде. Простой ответ здесь заключается в том, что вне зависимости от институционального дизайна лидерство требует подчинения со стороны сообщества и легитимности всей структуры политического устройства. При относительном снижении роли выборов в политическом процессе лидеры находят другие способы обеспечения если не явной поддержки, то согласия с конфигурацией политической системы и производимыми ею решениями. В своем анализе текстов Рамзана Кадырова в социальных сетях Карена Аведиссян справедливо отмечает, что гегемония требует согласия со стороны сообщества, которое более эффективно обеспечивается не столько силовым принуждением, сколько разделяемыми идеологией и ценностями (Avedissian, 2016: 21-22).

Важнейшей функцией анализа риторики является возможность выявить основные сюжеты, которые представляются важными политическому лидеру настолько, чтобы проговорить их перед широкой аудиторией, а также позиции и аргументы, которые, по его или ее мнению, будут восприняты сообществом. Существенным является то, что большая часть выступлений политического лидера, особенно в условиях ограниченной политической конкуренции, не предполагает моментального диалога. В этих условиях задача лидера заключается не в том, чтобы убедить слушателя по каким-то спорным позициям, а в том, чтобы зафиксировать аргументы, общие для лидера и сообщества, представляя их в качестве здравого смысла.

В этом контексте анализ риторики представляется неизбежным в случае исследования содержания статуса субъекта Федерации. Само упоминание в речах прав и обязанностей региона и его органов власти, как и отсутствие такого упоминания, является показателем наличия или отсутствия «особого статуса», а содержание этих прав и обязанностей, отраженное в речах, позволяет сравнивать представления о статусе, желаемом и разделяемом региональным политическим сообществом, с представлениями других лидеров / сообществ, а также с теми формальными институциональными условиями, в которых существуют регионы.

Динамика политико-правового статуса республик

История развития формального политико-правового статуса республик в составе Российской Федерации – неотъемлемая часть политической истории Советского Союза и России. К началу 2000-х гг. у республиканских лидеров были все основания для того, чтобы считать республики особой группой субъектов Федерации, имеющей право выстраивать собственные отношения с федеральным центром, другими российскими регионами и зарубежными государствами.

В административно-территориальной структуре Советского Союза автономные республики, наследниками которых и стали республики в составе России, занимали особое место. Даже на риторическом уровне они отличались от других регионов: согласно Конституции РСФСР 1978 г., в составе РСФСР «состояли» автономные республики и «имелись» края, области, города республиканского подчинения, автономные области и округа (статья 71 Конституции РСФСР 1978 г.). Перечень пред-

метов ведения любой автономной республики совпадал с предметами ведения союзных республик, в том числе в состав которых эти автономные республики входили. По сути, статус автономных республик был равен статусу союзных республик, что и было в результате признано советскими властями принятием в 1990 г. закона, объявляющего субъектами Федерации союзные и автономные республики. Тем же временем усиливалась экономическая самостоятельность автономных республик, которые первыми в условиях нарастания позднесоветского экономического кризиса получили права по самостоятельному планированию хозяйственно-экономической деятельности и связанным с ней взаимоотношениям с другими регионами страны (так называемый республиканский хозрасчет).

Конституция России 1993 г. также зафиксировала особое положение республик – указанием на признаки их государственности (наименованием государствами, правом принятия собственных конституций и введением государственных языков). К этому моменту республики получили право самостоятельного избрания своих глав (практически повсеместно названными президентами), оформляясь в качестве самостоятельных политических систем. Прописанное в той же конституции равенство субъектов Федерации на тот момент рассматривалось в качестве декларации о намерениях, в то время как все фактические действия федерального правительства – заключение двусторонних соглашений (договоров) о разграничении предметов ведения (Рабко, 2001), установление особых прав фискальных отношений между уровнями власти, принципиальное невмешательство во внутренние политические процессы республик, включая принятие законов, напрямую противоречащих федеральному законодательству, – указывали на особое положение по крайней мере наиболее известных республик в федеративной системе. Безусловно, особые права в отношениях с федеральным центром имели не только республики, но именно республики по определению обладали всеми условиями для того, чтобы такие отношения выстраивались, в то время как регионам других типов приходилось доказывать право на особый статус.

Особое отношение в советской федеративной системе республикам было обеспечено в связи с природой «социалистического федерализма», предполагающей государственно-политическую институционализацию этнических групп, обеспечение им особых прав в отношениях с численно доминирующей русской нацией (Slezkine, 1994). Период конца 1980-х и начала 1990-х гг. характеризуется значительной этнической, и даже более того – национальной, мобилизацией в Советском Союзе, которая была успешно использована лидерами республик для выстраивания собственных персоналистских политических режимов. Реальный или лишь демонстрируемый контроль над национальными движениями обеспечивал республиканским лидерам уникальную роль незаменимых медиаторов между республиканскими сообществами и федеральным центром, успешными именно благодаря своей способности разговаривать на двух политических языках – самостоятельности и уникальности возглавляемых ими регионов и интегрированности в общефедеральную политическую повестку.

2000-е гг. принесли с собой полномасштабное наступление федерального центра на предыдущие достижения всех субъектов Федерации, но прежде всего – республик. Отказ от повсеместного заключения договоров о распределении полномочий, приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, отказ от наименования глав республик президентами, постепенная смена всех республиканских лидеров 1990-х гг. и, наконец, принятие закона, ограничивающего возможности изучения родных языков, – все это безусловные индикаторы понижения политико-правового статуса республик.

В новых условиях от республиканских лидеров ожидается обеспечение лояльности со стороны региональных сообществ, что в свою очередь требует от них выстраивания эффективных отношений с сообществами, учитывающих в том числе их этнический состав. Текущий политический контекст, за редким исключением Республики Чечни, не позволяет предпринимать какие-либо действия, демонстрирующие особые права того или иного региона. В то же время у региональных лидеров остается арсенал риторических инструментов, позволяющих выстраивать необходимый им образ региона и населяющего его сообщества. Наша статья посвящена анализу того, как риторика особого статуса республик отражается в официальных выступлениях глав этих республик с момента начала политики рецентрализации.

Методология и результаты

В исследование включены все республики, официально признанные Российской Федерацией в качестве собственных субъектов Федерации в период с 2000 по 2021 г., а именно Адыгея, Алтай, Башкирия, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Ка-

релия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия и Якутия.

Для анализа выбраны официальные обращения глав республик по случаю поздравления жителей регионов с официальными праздниками – Днем республики и Днем Конституции республики. Елена Цумарова отмечает, что День республики – это «важный элемент ритуализации принадлежности к сообществу», и выделяет основные цели этого праздника: он направлен на объединение всех жителей республики и формирование чувства гордости за республику, а также является частью имиджевой программы, направленной во внешнюю среду (Цумарова, 2014).

Более того, факт регулярности и цикличности обращений позволяет проследить весь процесс трансформации представлений о статусе республики с учетом влияния на них различных внешних факторов в указанный период.

Большая часть речей находится в свободном доступе и опубликована на официальных сайтах республик или глав республик, которые и являются основным источником материала. Отдельные речи найдены в архивах региональных газет или на официальных страницах глав республик в социальных сетях, которые также доступны. По своей структуре обращения схожи между собой и чаще всего имеют следующее содержание: короткое приветствие жителей республики (иногда дублирующееся на национальном языке), поздравление, краткая историческая справка о событиях дня образования республики, перечисление достижений республики за последний(е) год(ы) в экономической, социальной, культурной сферах, упоминание туристической привлекательности региона и его уникальных природных богатств. При этом следует отметить, что обращения, датируемые второй половиной рассматриваемого периода (после 2010 г.), в большинстве своем более краткие, чем обращения начала 2000-х гг., а также часто имеют повторяющиеся отрывки из речей предыдущих лет.

Чтобы выяснить, как главы республик определяют статус своих регионов и в чем, по их мнению, отражаются особенности статуса республики, было проведено кодирование указанных речей. Коды формировались в процессе чтения речей в случае нахождения элемента, который можно рассматривать в качестве подчеркивающего или усиливающего статус республики. В результате было сформировано 11 кодов. Часть из них относится к политико-правовым характеристикам республик и включает в себя определение республик через их (1) государственность, (2) суверенитет, (3) независимость и самодостаточность. Сюда же можно отнести описание республик как элемента (4) функционирующего федерализма, а также (5) выделение *государственной*, а не региональной *«природы» праздника*, что может рассматриваться как указание на статус независимого государства, а не субъекта в составе государства.

Вторая группа кодов связана с вопросами языковой политики. Учитывая, что право республик устанавливать свой государственный язык закреплено в Конституции, главы республик не только указывают на (6) *важность изучения и сохранения национального языка*, но и (7) *используют его* в своих выступлениях или даже (8) произносят *целые речи на национальном языке* республики.

Еще один код предполагает обращение к (9) *самостоятельным международным отношениям / внешней политике республики*. Несмотря на присущую всем субъектам Федерации законодательную возможность развития международных связей, именно республики пользуются этой опцией в наибольшей степени (Stremoukhov, 2022). Первоначальный частичный анализ выступлений выявил систематическое упоминание губернаторами республик своего (10) *«полноправного» статуса* в российской государственной системе. Кроме того, при первичном просмотре выступлений губернаторов было отмечено различие в обращениях губернаторов к жителям республик. Так, одни губернаторы использовали общие обращения: «уважаемые сограждане», «дорогие земляки» и т.д., а другие – (11) *обращения, производные от названия республики*: «дорогие дагестанцы», «дорогие татарстанцы». Использование прямых обращений, образованных от названия республик, играет важную интегрирующую роль и символически усиливает аутентичность и особенность республики, в то время как использование общих и распространенных обращений не имеет такого эффекта. По этой причине использование губернаторами таких специальных обращений было выделено в отдельный кодекс.

Включение такого кода в список является спорным, так как этот код заранее исключает большинство республик, причем не на основании их статуса как республик, а из-за фактической языковой специфики, так как в целом российские республики можно разделить на две группы:

1) те, названия которых происходят от географического топонима (например, Крым – крымчане). В этом случае жители республики могут быть названы общим производным от места их проживания, независимо от их национальности. Это распространенная форма обращения и используется повсеместно;

2) те, названия которых происходят от названия титульной нации республики (например, Калмыкия – калмыки). В данном случае необходимость создания еще одного производного слова от названия республик является логически спорной, при этом лингвистически возможной. Например, нет такого названия, как «калмыкчане», хотя лингвистически оно возможно.

Тем не менее во второй группе республик есть два исключения – республики Татарстан и Якутия. Несмотря на то, что их названия также образованы от названия титульной нации (татары, якуты), у них есть и производные слова, которые служат названиями для всех жителей этих республик независимо от их национальности: татарстанцы и якутяне. Тот факт, что эти две республики имеют специфические термины, которые могут использоваться по отношению ко всем жителям республики, можно считать важным исторически закрепленным показателем аутентичности этих республик. Ввиду этого данный код был выбран для включения.

Всего для эмпирической части работы было собрано 317 выступлений, в том числе 197 – по случаю Дня республики и 120 – по случаю Дня Конституции (подробные данные по каждой республике см. в прил. 1). Только две республики имеют данные за все 23 года рассматриваемого периода – Татарстан и Карелия. Другие республики, которые также имеют более половины данных за этот период: Ингушетия, Чечня, Башкирия, Калмыкия и Коми. Тот факт, что эти семь республик выделяются на фоне остальных, дает право говорить о том, что приоритетом правительств этих республик является защита и продвижение исторической памяти о событиях конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда у республик было гораздо больше прав и полномочий. Наименьший объем данных удалось собрать по республикам Бурятия, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия, Удмуртия и Крым (при этом отсутствие данных по Крыму объясняется его недавним включением в состав РФ).

Применение кодов для анализа речи позволяет не только рассчитать статус республик в числовом формате, но и сравнить показатели республик по конкретным кодам. Однако прежде всего следует объяснить, как проводились расчеты.

Для подсчета общего балла республики использовался следующий алгоритм:

1. Если код упоминался в речах, посвященных дням республики и Конституции в данном году, то он отмечался в таблице как 1, если нет – 0.
2. Затем подсчитывалась сумма всех 1 и 0 за каждый год (x).
3. Для получения общего балла цифры за все годы (n) суммировались, а затем делились на количество лет, так что итоговый балл представлял собой среднее значение сумм за все годы:

$$\text{Оценка} = \sum x_n / n.$$

Таким образом, чем выше итоговый балл республики, тем в большей степени главы республик уделяют места в своих речах вопросам статуса соответствующих субъектов Федерации.

Результаты подсчетов можно увидеть в табл. 1 ниже (данные отсортированы по убыванию).

Таблица 1

Индекс статуса российских республик

№ п/п	Республика	Оценка	№ п/п	Республика	Оценка
1	Татарстан	4,00	12	Адыгея	1,13
2	Якутия	3,91	13	Коми	1,08
3	Тыва	2,89	14	Хакасия	1,00
4	Крым	2,67	15	Удмуртия	1,00
5	Башкирия	2,42	16	Алтай	1,00
6	Ингушетия	2,35	17	Мордовия	0,67
7	Чувашия	2,20	18	Северная Осетия	0,60
8	Бурятия	2,20	19	Карелия	0,50
9	Дагестан	2,11	20	Чечня	0,46
10	Калмыкия	1,23	21	Марий Эл	0,17
11	Кабардино-Балкария	1,20	22	Карачаево-Черкесия	0,10

Как видно из таблицы, Татарстан, Якутия, Тыва и Крым имеют самые высокие суммарные баллы, а республики Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Чечня и Карелия занимают последние позиции в рейтинге. Однако это итоговые показатели за все годы, которые четко определяют статус республики в целом, но не показывают его динамику за 22 года.

Динамика изменений в республиках приведена в прил. 2. Согласно данным таблицы, до 2010 г. лидером среди республик был Татарстан. С 2011 по 2015 г. лидерство в статусном рейтинге перемещалось между различными регионами (Башкирия, Ингушетия, Якутия, Дагестан, Тыва, Татарстан). С 2015 г. лидерство перешло к Якутии.

Конечно, отсутствие данных по многим республикам за 2000-е гг. ставит под сомнение полученные результаты. Однако, как уже отмечалось, сам факт отсутствия данных за предыдущие годы на официальных порталах некоторых республик свидетельствует об определенном безразличии властей республик к памяти о годах, когда республики обладали большей степенью независимости. Кроме того, это можно объяснить сменой региональных лидеров, которые также меняли риторику в отношении позиции региона в прошлом. Ввиду этого Татарстан (наряду с Карелией и Ингушетией) в данном случае можно по праву считать лидером в статусном рейтинге до 2010 г.

На рис. 1 представлена динамика по десяти республикам. В связи с тем, что по некоторым республикам нет данных за более ранние годы, а динамика за несколько последних лет не может считаться полной, было отобрано десять республик с данными за десять и более лет. Это республики Татарстан, Карелия, Ингушетия, Башкирия, Калмыкия, Коми, Чечня, Карачаево-Черкесия, Чувашия и Якутия.

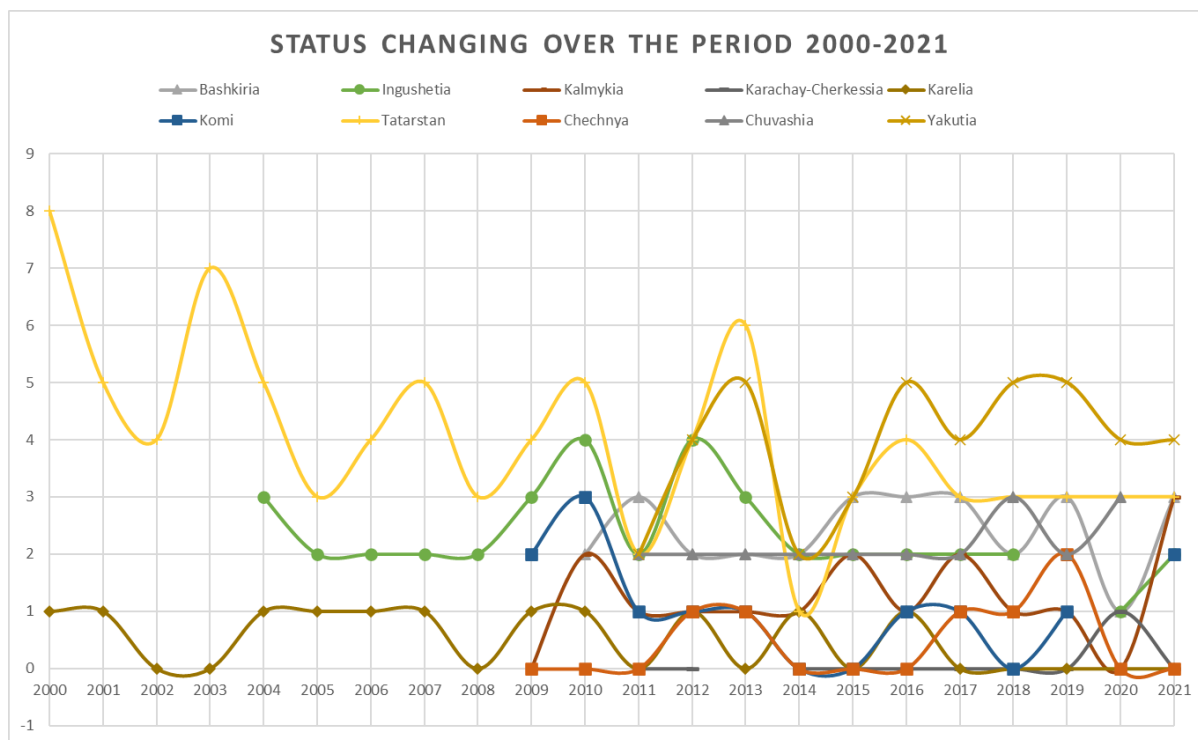

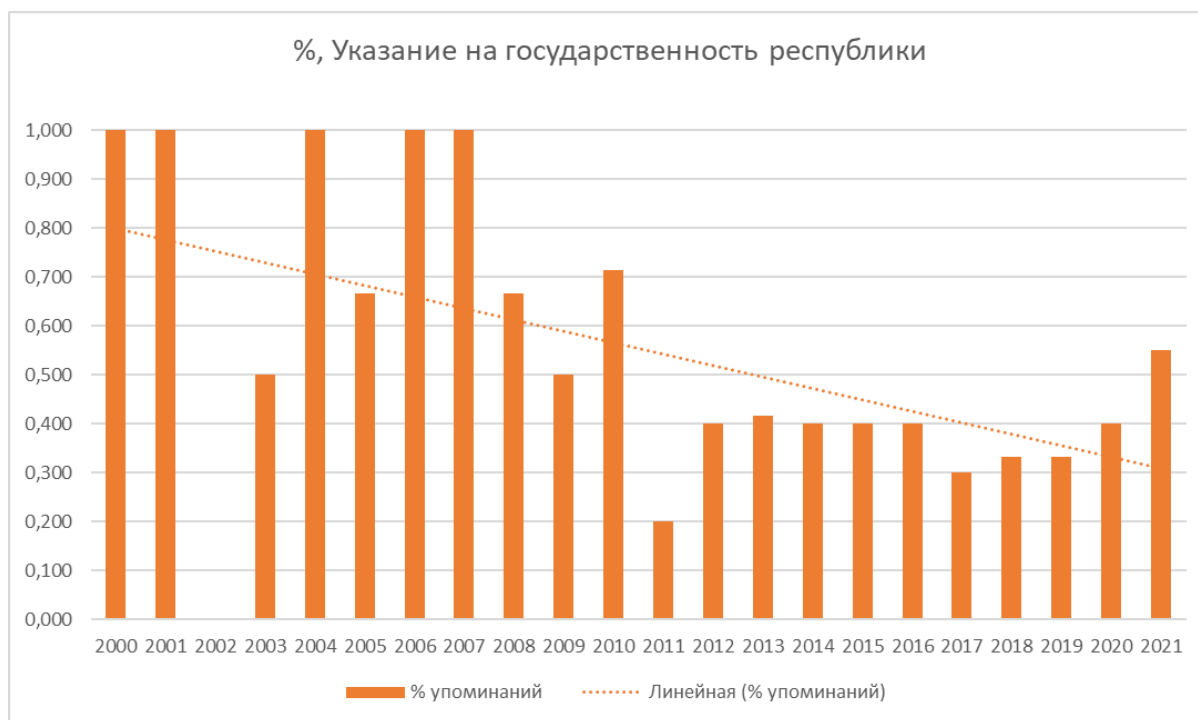
Рис. 1. Динамика статуса республик (с 2000 по 2021 г.)

Как видно из рисунка, в республиках Карелия, Коми и Татарстан наблюдается тенденция к снижению статусных показателей. Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Чувашия демонстрируют примерно одинаковый уровень статуса в рассматриваемые годы, в то время как Калмыкия, Чечня и Якутия демонстрируют тенденцию к росту.

Поскольку отправная точка для анализа отличается от одной республики к другой, наблюдаемые тенденции нельзя сравнивать друг с другом. Однако если рассматривать данные начиная с одной даты – 2011 г., то результаты сравнения будут практически одинаковыми. Единственное отличие можно заметить в случае с Татарстаном. Если рассматривать данные по Татарстану с 2011 г., то можно отметить относительно стабильную тенденцию с низкими показателями статуса.

Далее предлагаем перейти к анализу риторики губернаторов, а именно к их апелляции к тем или иным показателям статуса.

Упоминания о государственности и суверенитете региона можно назвать наиболее показательными с точки зрения фактического статуса республики. Для его измерения по каждому году подсчитывалась сумма кодов, а затем делилась на количество республик, по которым имеются данные за этот год. Таким образом, было вычислено среднее значение для каждого года. Полученные цифры по данному коду можно увидеть на рис. 2.

Рис. 2. Процент упоминаний губернаторами государственности республик

Как видно, частота упоминаний государственности постепенно снижалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Самые высокие средние баллы были получены в начале 2000-х гг., когда идея «государственности» республик была действительно широко популяризирована. Однако с 2008 г. наблюдается заметный спад упоминаний государственности республик, а самый низкий средний балл был зафиксирован в 2011 г. Интересен и тот факт, что в 2002 г. не было ни одного упоминания государственности республик. Хотя это можно объяснить отсутствием данных по многим республикам в этом году, сам факт того, что главы Татарстана и Карелии не упомянули об этом, заслуживает внимания.

В то же время можно отметить, что те главы республик, которые продолжали регулярно указывать на наличие государственности своих республик в течение всего рассматриваемого периода, все-таки меняли свою риторику. Так, например, Шолбан Кара-оол, глава Республики Тыва, в 2013 г. обратился к жителям республики со следующим поздравлением:

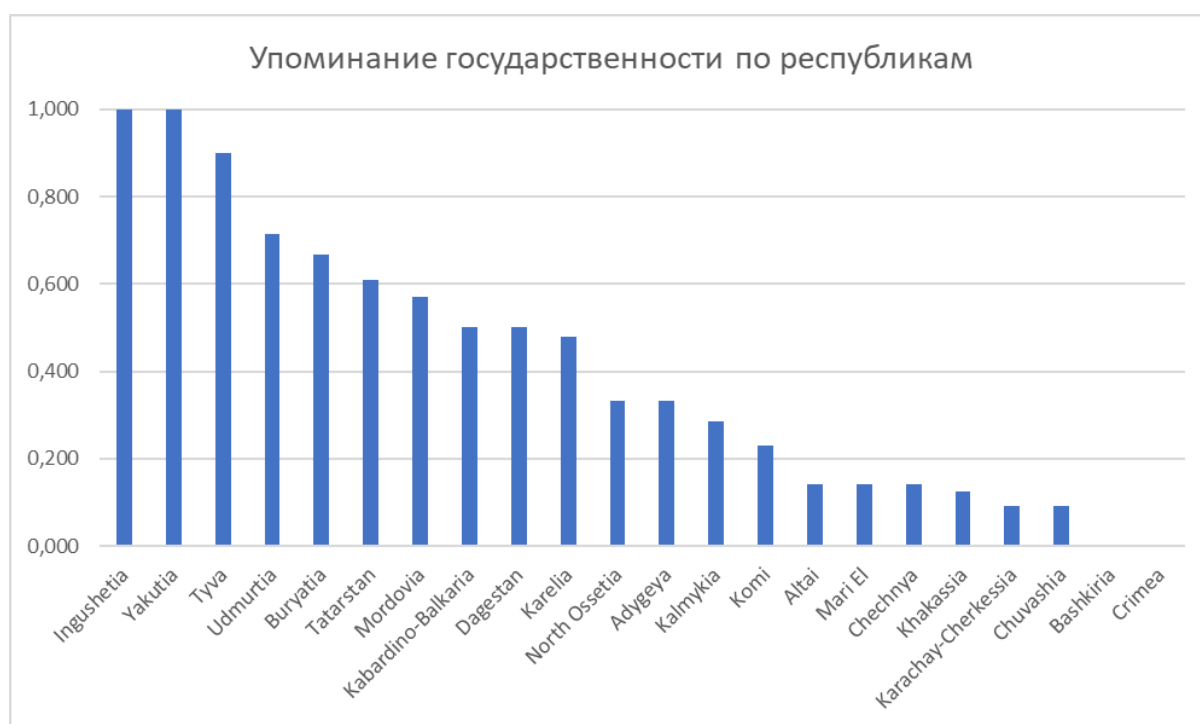
«Сегодня исполняется 92 года с того судьбоносного для нашего народа события, когда представители кожуунов Урянхайского края, собравшись в местечке Суг-Бажы на Всетувинский учредительный Хурал, провозгласили образование Тувинской Народной Республики. Создание при активной помощи и поддержке братской России суверенного государства в центре Азии открыло новую страницу в многовековой истории тувинского народа, заложило основы его государственности. Непреходящее историческое значение этого факта заключается в том, что оно продемонстрировало миру один из немногих примеров решения сложнейшего вопроса самоопределения наций на принципах взаимопонимания и уважения интересов различных народов, стало основой межнационального согласия разноязычного населения молодой республики, дружбы и сотрудничества между ТНР и Россией» (Поздравление главы Республики Тыва Ш. Кара-оола с Днем республики, 14.08.2013)

В 2021 г. уже Владислав Ховалыг – на тот момент врио главы республики, впоследствии вступивший в должность, – также вспоминает события дня образования региона и указывает на государственность республики, но «опускает» все исторические детали и приводит только краткое изложение событий, несмотря на то, что речь 2021 г. посвящена 100-летию образования республики:

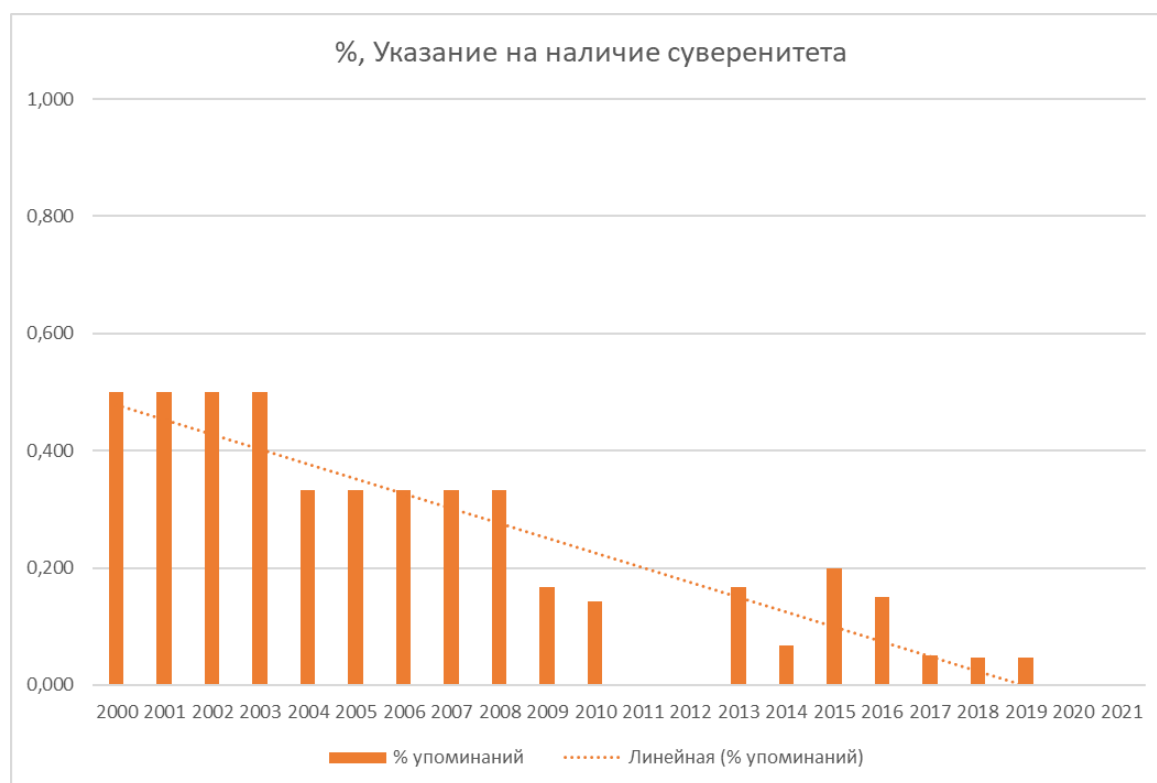
«В эти дни мы также празднуем наш главный государственный праздник – День республики, день провозглашения тувинской государственности в августе 1921 года. Тува прошла большой исторический путь и сегодня в составе великой России продолжает динамично развиваться» (Поздравление врио главы Республики Тыва В. Ховалыга с Днем республики, 15.08.2021)

Стоит отметить, что главы 20 республик из 22 хотя бы раз за рассматриваемый период указывали на наличие у республик государственности. Главы Ингушетии и Якутии стабильно указывают на это каждый год и имеют абсолютные показатели по данному коду (рис. 3). При этом главы Башкирии и Крыма ни разу не упоминали данную характеристику, что особенно неожиданно в случае Башкирии, так как данная республика демонстрирует высокие показатели статуса на протяжении всего рассматриваемого периода.

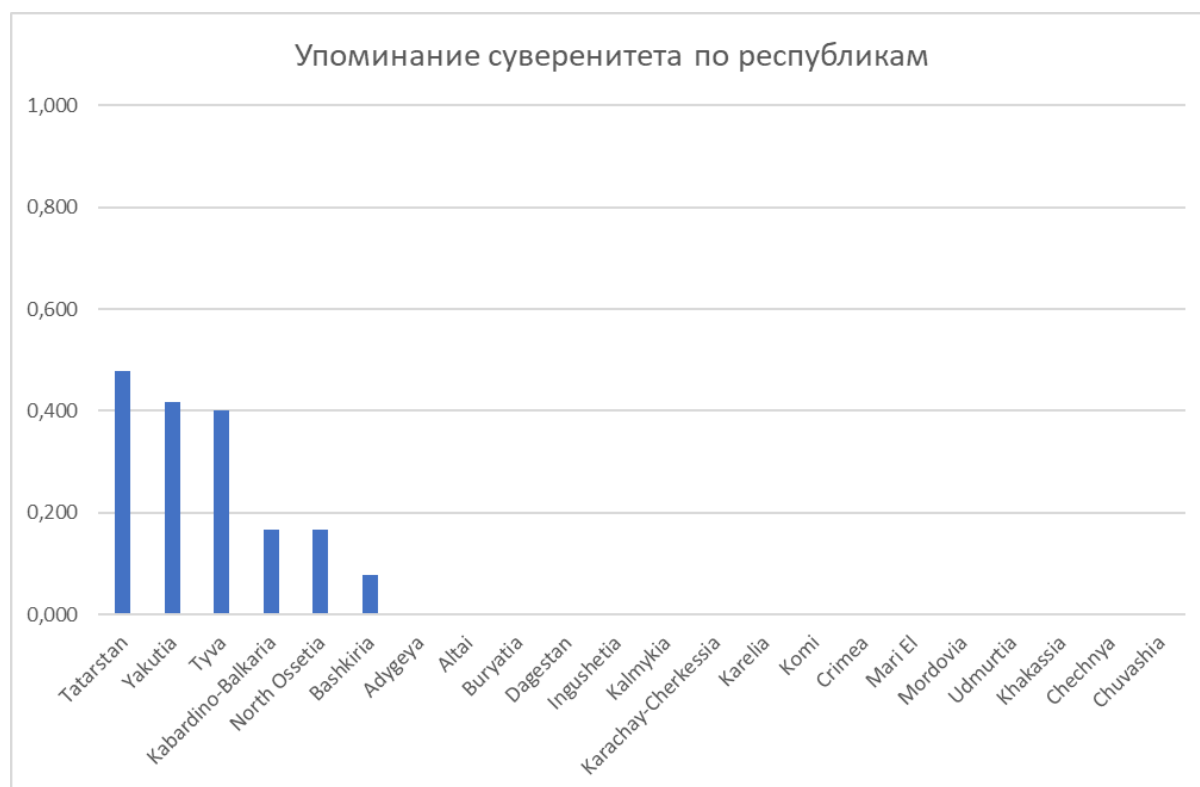
Рис. 3. Упоминание губернаторами государственности по республикам

Аналогичная ситуация наблюдается и с кодом «суверенитет». Рис. 4 показывает, что самые высокие средние оценки были получены также в начале 2000-х гг., в то время как в последние три года оценки были самыми низкими. Следует особо отметить, что в 2011 и 2012 гг. суверенитет республик вообще не упоминался, как и в последние два года рассматриваемого периода (2020–2021).

Рис. 4. Процент упоминаний губернаторами суверенитета республик

Если же посмотреть на упоминание суверенитета главами отдельных республик, то можно заметить, что главы всего шести республик хотя бы раз указывали на наличие у своих регионов суверенитета – это республики Татарстан, Якутия, Тыва, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Башкирия. Причем главы первых трех республик упоминали об этом примерно в половине речей за рассматриваемый период (рис. 5). Примечательно, в общем «индексе» статусов Татарстан, Якутия и Тыва также занимают первые три позиции.

Рис. 5. Упоминание губернаторами суверенитета по республикам

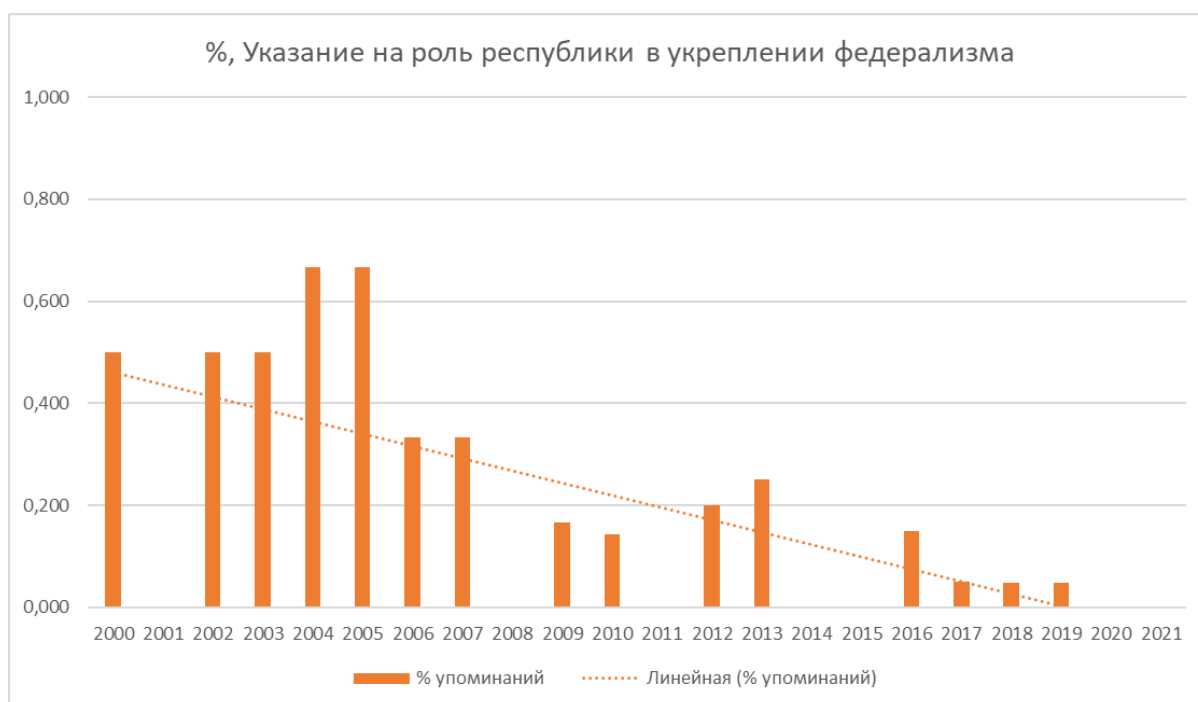
Случай Татарстана заслуживает отдельного рассмотрения в этом контексте. Являясь наиболее показательным примером позиционирования себя как республики с особым высоким статусом, Татарстан в лице тогдашнего президента республики Минтимера Шаймиева ежегодно с 2000 по 2010 г. указывал на наличие собственного суверенитета (который был закреплен Декларацией о суверенитете в 1990 г.). При этом если до 2010 г. глава республики четко ссылался на главный документ, с которого началось празднование Дня республики:

«30 августа 1990 года – день принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана – это исторический рубеж, который обозначил новую страницу в развитии нашей государственности» (Приветствие президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева с Днем республики, 29.08.2008),

то после 2010 г. глава Татарстана Рустам Минниханов стал заменять название документа, в котором содержался термин «суверенитет», расплывчатыми формулировками:

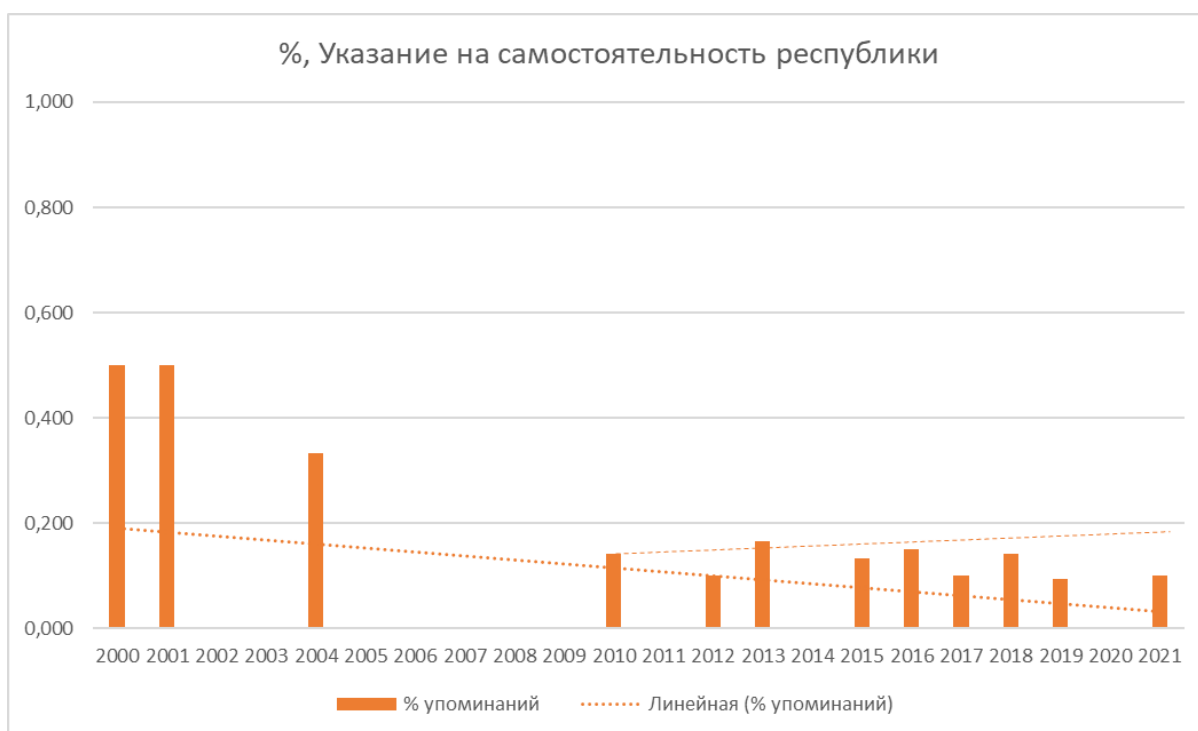
«Все больше времени отделяет нас от событий лета 1990 года, которые предопределили современное развитие нашей республики» (Обращение президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова по случаю Дня республики, 30.08.2011)

На рис. 6 видно, что динамика обращения к федерализму также имеет отрицательную тенденцию. Кроме того, руководители только пяти республик из 22, в частности Татарстана, Якутии, Башкирии, Бурятии и Ингушетии, хотя бы раз отметили роль республики в укреплении российского федерализма, в то время как губернаторы остальных 17 республик не упомянули об этом ни разу. И так же, как и в случае с «суверенитетом», в последние два года с 2020 по 2021 г. апелляции к федерализму в речах губернаторов не было.

Рис. 6. Процент упоминаний губернаторами федерализма

В то же время по кодам «самодостаточность» и «полноправность» наблюдается иная динамика. Согласно рис. 7, до 2010 г. губернаторы практически не указывали на независимость или самодостаточность республик, но после 2010 г. наблюдается противоположная ситуация.

Рис. 7. Процент упоминаний губернаторами самостоятельности / независимости республик

Отдельного внимания заслуживает анализ упоминаний губернаторами полноправного статуса республик. Согласно рис. 8, губернаторы стали указывать на их полноправный статус только с 2009 г.

Рис. 8. Процент упоминаний губернаторами полноправного статуса республик

Первыми на свой полноправный статус в 2009 г. указали глава Республики Коми Владимир Торлопов в речи, посвященной Дню Конституции республики (17 февраля), и президент Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров в поздравлении в честь Дня республики (4 июня). При этом главы 13

республик из 22 хотя бы раз за рассматриваемый период упоминали свой полноправный статус. Стоит отметить, что наиболее часто данное определение статуса проявляется в речах глав республик Адыгея и Калмыкия, но при этом ни разу не употребляется главами Татарстана, Башкирии, Дагестана, Удмуртии, Чувашии, Северной Осетии, Карелии, Марий Эл и Мордовии.

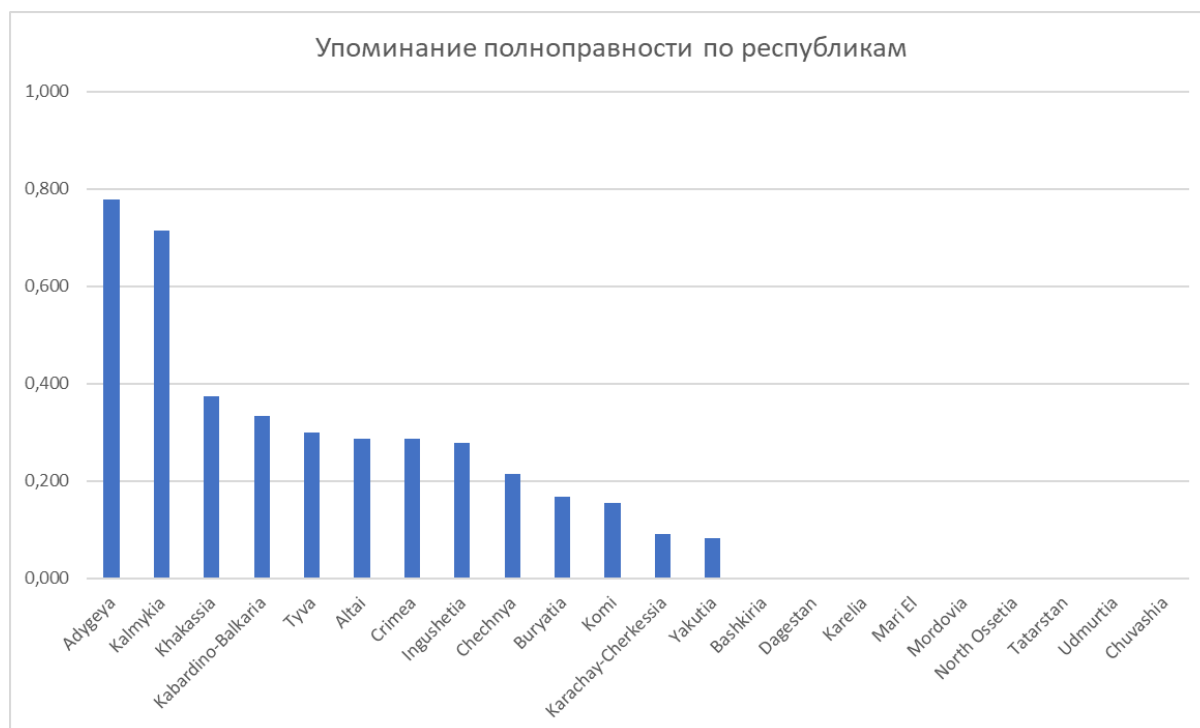

Рис. 9. Упоминание губернаторами полноправного статуса по республикам

Что касается языковой составляющей статуса, то за весь рассматриваемый период только главы 11 республик указали на важность сохранения и укрепления родного языка, но опять же, согласно рис. 10, в некоторые годы важность языка вообще не упоминалась.

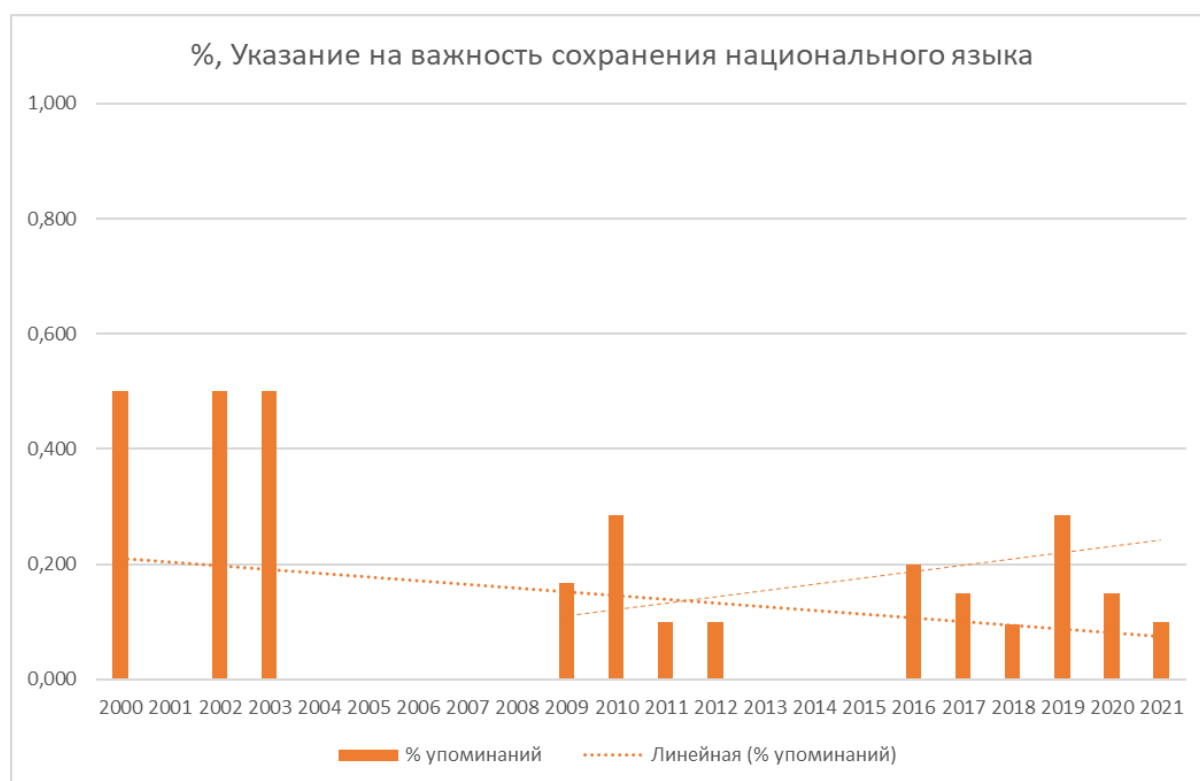

Рис. 10. Процент упоминаний губернаторами важности национальных языков республик

Что касается использования самого национального языка, то только главы десяти республик – Башкирии, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Татарстана, Тывы, Удмуртии, Чувашии и Якутии – использовали его в своих выступлениях. Обычно национальный язык использовался для приветствия жителей республики в начале выступления или в заключении. Только главы Чувашии (за весь период с 2011 по 2021 г.), Якутии (за период с 2019 по 2021 г.) и Тывы (один раз в 2020 г.) дублировали свои речи на национальном языке.

Как указывалось выше, главы лишь нескольких республик обращались к своим жителям, используя производные от названия республики. Это Татарстан, Якутия, Крым и Дагестан. Если в случае с Крымом и Дагестаном это объясняется тем, что названия республик происходят от географического названия, а не от национальности, то в случае с Татарстаном и Якутией это имеет особый смысл. Их главы используют обращения, которые адресованы всем жителям республики независимо от их национальности, но эти обращения происходят от названия титульной нации, что, безусловно, можно назвать важным фактором укрепления особого статуса этих республик.

Переходя к анализу упоминаний об автономной внешней политике республики, можно выделить только Татарстан, Башкирию и Ингушетию, главы которых периодически обращали внимание на самостоятельную международную деятельность республики и заинтересованность других государств в выстраивании прямых отношений с республиками. И только главы шести республик – Башкирии, Бурятии, Дагестана, Татарстана, Тывы и Чувашии – указывают на государственный статус республиканских праздников.

Обсуждение результатов

Формулируя лаконичный ответ на вопрос о том, как главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации в условиях усиливающейся централизации в России, можно было бы ограничиться констатацией радикального снижения использования в речах региональных лидеров маркеров особого статуса республик. Однако проведенный анализ позволяет нам увидеть эту картину более сложной.

Во-первых, при снижении упоминаемости практически всех выделенных характеристик одна новая возникает в 2009 г. и пользуется устойчивой популярностью среди республиканских лидеров: речь идет о «полноправности», которая, по сути, компенсирует спад в упоминаемости «государственности», «самодостаточности» и «федерализма».

С теоретической точки зрения такой результат свидетельствует о том, что даже в условиях централизации государственно-территориальной системы и сокращения возможностей для самостоятельной политической деятельности глав регионов на риторическом уровне они находят возможности для указания особенного статуса республик, отличного от других регионов. Примечательно, что использование такой характеристики началось вскоре после отмены выборов губернаторов.

Во-вторых, при довольно низком интересе к проблемам национальных языков в целом мы наблюдаем всплески упоминания языков в речах в периоды обсуждения и принятия законов об их изучении. Таким образом, по крайней мере некоторые главы республик используют обращения к гражданам для того, чтобы артикулировать темы, важные для оценки республиканского статуса.

В-третьих, несмотря на общую негативную тенденцию в апелляциях к государственности, в некоторых республиках наблюдалась положительная тенденция. Теоретически такие ситуации могли бы объясняться наличием в некоторых регионах более благоприятных условий, способствующих поддержанию подобной риторики. Такими условиями являются экономическое положение региона, национальный состав населения, географическая удаленность от центра, а также прочность региональной вертикали власти, то есть региональный моноцентризм. На практике это предположение подтверждается лишь частично. В качестве иллюстрации можно рассмотреть, например, Республику Якутия. Обладая практически всеми перечисленными факторами (высокий уровень ВРП на душу населения, распространенность титульной нации, удаленность от центра), Якутия демонстрирует положительную динамику в статусном рейтинге, являясь одной из лидирующих республик по суммарному баллу. Однако большинство республик не подтверждают эту гипотезу. Целая группа республик Северного Кавказа, будучи удаленными от центра, имея преобладающую долю титульной нации и сильную вертикаль власти, все же занимают низкие позиции в статусном рейтинге. Исключением можно назвать Республику Крым. Занимая четвертое место в статусном рейтинге, Крым не имеет ни большой доли титульного населения, ни экономического процветания, ни сильной вертикали власти.

Кроме того, факт недавнего вхождения республики в состав России и усиление риторики о ее исторической принадлежности к Российской Федерации делает этот результат еще более неожиданным. Получение такого результата также является одним из важнейших наблюдений данного исследования.

Финансовая поддержка

Авторы благодарят за помощь в подготовке статьи и неизменную поддержку сотрудников Центра сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Список литературы / References

- Гаврилова, М. В. (2004) *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)*. Филологический факультет СПбГУ, сс. 295–295. [Gavrilova, M. V. (2004) *Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin)* [Kognitivnyye i ritoricheskiye osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy VV Putina i BN Yel'tsina)]. Philological Faculty of St. Petersburg State University, pp. 295–295. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2019) 'Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 2, сс. 53–62. [Panov, P. V. (2019) 'Spatial localization of ethnic groups as a factor of voting in elections in the national republics of the Russian Federation' [Prostranstvennaya lokalizatsiya etnicheskikh grupp kak faktor golosovaniya na vyborah v natsional'nykh respublikakh Rossiiskoi Federatsii], *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, 2, pp. 53–62. (In Russ.)].
- Рабко, Т. А. (2001) *Договоры между Российской Федерацией и ее субъектами: проблемы и перспективы*. [Rabko, T. A. (2001) *Treaties between the Russian Federation and its constituent entities: problems and prospects* [Dogovory mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i yeye sub"yektami: problemy i perspektivy] (In Russ.)].
- Стародубцев, А. (2017) 'Пересмотр федеративного контракта в России: случай Чеченской Республики', *Неприкосновенный запас*, 1(111), сс. 59–67. [Starodubtsev, A. (2017) 'Renegotiation of the federal contract in Russia: the case of the Chechen Republic' [Peresmotr federativnogo kontrakta v Rossii: sluchay Chechenskoj Respubliki], *Emergency Reserve*, 1(111), pp. 59–67. (In Russ.)].
- Цумарова, Е. Ю. (2014) *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. [Tsumarova, E. Yu. (2014) *Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia)* [Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty (na primere Respubliki Kareliya)]. SPb.: St. Petersburg State University Publishing House (In Russ.)].
- Шкель, С., Щербак, А., Ткачева, Т. (2022) 'Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России', *Социологическое обозрение*, 21(1), сс. 38–70. [Shkel, S., Shcherbak, A., Tkacheva, T. (2022) 'Anatomy of loyalty: mechanisms for the formation of electoral super-majorities in the ethnic republics of modern Russia' [Anatomiya loyal'nosti: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii], *Sociological Review*, 21(1), pp. 38–70. (In Russ.)].
- Avedissian, K. (2016) 'Clerics, weightlifters, and politicians: Ramzan Kadyrov's Instagram as an official project of Chechen memory and identity production', *Caucasus Survey*, 4(1), pp. 20–43.
- Bahry, D. (2005) 'The New Federalism and the Paradoxes of Regional Sovereignty in Russia', *Comparative Politics*, 37(2), pp. 127–146.
- MacDonald, P. K., & Parent, J. M. (2021) 'The status of status in world politics', *World Politics*, 73(2), pp. 358–391.

- Oracheva, O., & Osipov, A. (2010) 'Territories of 'special status' in Russia: The ethnic dimension', *Journal of communist studies and transition politics*, 26(2), pp. 212–232.
- Rodina, E., & Dligach, D. (2019) 'Dictator's Instagram: personal and political narratives in a Chechen leader's social network', *Caucasus Survey*, 7(2), pp. 95–109.
- Sharafutdinova, G. (2013) 'Gestalt switch in Russian federalism: The decline in regional power under Putin', *Comparative politics*, 45(3), pp. 357–376.
- Slezkine, Y. (1994) 'USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism', *Slavic Review*, 53(2), pp. 414–452.
- Stremoukhov, D. (2022) 'When governors go abroad: Incentives for paradiplomacy in recentralised Russia', *Regional & Federal Studies*, 32(5), pp. 663–687.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 19.10.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

THE RHETORIC OF MAINTAINING THE SPECIAL STATUS OF THE REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CENTRALISATION

K. Sh. Yuzbekova, A. V. Starodubtsev

K. Sh. Yuzbekova, Postgraduate student of the Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg.

E-mail: kyuzbekova@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2646-0801. ResearcherID: GZG-2992-2022).

A. V. Starodubtsev, candidate of political science, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations,

National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg.

E-mail: astarodubtsev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-7648-8979. ResearcherID: L-7015-2015)

Abstract

The article answers the question of how the heads of republics characterise the status of the subjects of the federation they lead in the conditions of centralisation. Based on the idea of the importance of rhetorical representation of the status of a subject of the federation and using quantitative content analysis of the speeches of the heads of the republics dedicated to the days of the constitution and the days of the republic in the period from 2000 to 2021, the authors show that 1) even during the centralisation of the political system in Russia, republican leaders find suitable rhetorical tools that allow them to emphasise the special status of their regions; 2) they utilise communication opportunities with the local community to articulate their stance on issues important for evaluating the status of the republics.

Keywords: status; republics of the Russian Federation; federalism; Russian.

Приложения

Приложение 1

Количество речей для анализа (в период 2000–2021 гг.)

Республика	Количество речей в честь Дня республики	Количество речей в честь Дня Конституции республики
Адыгея	8	5
Алтай	7	1
Башкирия	12	0 ¹
Бурятия	5	3
Дагестан	6	9
Ингушетия	16	10
Кабардино-Балкария	5	0 ²
Калмыкия	2 ³	13
Карачаево-Черкесия	7	8
Карелия	22	0 ¹
Коми	10	10
Крым	6	6
Марий Эл	6	0 ¹
Мордовия	5	6
Северная Осетия – Алания	3	4
Татарстан	22	20
Тыва	8	9
Удмуртия	6	0 ¹
Хакасия	7	1
Чечня	13	12
Чувашия	10	0 ¹
Якутия	11	3
Всего	197	120

Примечания:

¹ Информация о праздновании Дня Конституции республики не найдена. Возможно, данный праздник в республике не отмечается.

² День республики и День Конституции республики отмечаются в один и тот же день, так что на два празднования приходится одна речь.

³ Согласно указу главы республики, празднование Дня республики введено только в 2019 г.

Динамика показателей статуса республик в речах губернаторов в период 2000–2021 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Адыгея														0	1		2	1	0	1	2	2
Алтай															0	3			2	1	0	0
Башкирия											2	3	2	2	2	3	3	3	2	3	1	3
Бурятия																		2	2	3	3	1
Дагестан														2	3	2	3	2	1	2	1	3
Ингушетия					3	2	2	2	2	3	4	2	4	3	2	2	2	2	2		1	2
Кабардино-Балкария															2	0	3			1		0
Калмыкия										0	2	1	1	1	1	2	1	2	1	1	0	3
Карачаево-Черкессия												0	0		0	0	0	0	0	0	1	0
Карелия	1	1	0	0	1	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0
Коми										2	3	1	1	1	0	0	1	1	0	1		2
Крым																	3	4	3	3	2	1
Марий Эл																	0	0	1	0	0	0
Мордовия																	0	1	1	1	0	1
Северная Осетия																	1	0	0	2	0	
Татарстан	8	5	4	7	5	3	4	5	3	4	5	2	4	6	1	3	4	3	3	3	3	3
Тыва														4	3	5	3	2	2	1	4	2
Удмуртия																	1	1	0	1	2	1
Хакасия																0	2	2	1	0	1	1
Чечня									0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	1	2	0	0
Чувашия											2	2	2	2	2	2	2	2	3	2	3	
Якутия												2	4	5	2	3	5	4	5	5	4	4

Примечание: показатели статуса республик в речах губернаторов рассчитываются как сумма всех 1 и 0 (кодов) за каждый год. Таким образом, максимальным показателем может быть 11 баллов (по количеству кодов), минимальным – 0 баллов. Красным цветом выделены максимальные показатели за каждый год. В представленной таблице максимальным показателем является 8 баллов – у Республики Татарстан в 2000 г. Пустые клетки обозначают отсутствие эмпирического материала (речей) по республике в конкретные годы.